

В. К.
Ковель

24/xii-88

Вечерний Ленинград
г. Ленинград

24 декабря 1988 года

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ГАСНЕТ В ЗАЛЕ СВЕТ...

ЭТОТ день был для Валентины Павловны Ковель особенным — ей присвоили звание народной артистки СССР. Мы поспешили в Большой драматический, чтобы поздравить любимую многими ленинградцами актрису с радостным (а для зрителей — долгожданным) событием.

Ковель помнят и те, кто видел ее в спектаклях Театра драмы имени А. С. Пушкина, в «Годах странствий» например. В АБДТ сыграно столько ролей, что все сразу и не назовешь: Лиза Белова в «Традиционном сборе», сваха Кабат в спектакле «Ханума», буфетчица Анна Васильевна в «Прошлым летом в Чулимске», Вязопуриха в «Истории лошади», Брандахлыстова в «Смерти Тарелкина»...

В тот вечер шла опера-буфф «Смерть Тарелкина», поэтому разговор наш начался именно с этой роли.

— Спектакль «Смерть Тарелкина» был для театра экспериментом, попыткой создать новую театральную форму. Роль здесь гротесковая, моя роль. Я — актриса острохарактерная, люблю не просто комедию — трагикомедию. Этот жанр ближе к жизни, где смех и слезы всегда рядом.

— А какие роли по-человечески близки вам?

— В спектакле «Валентин и Валентина» я играла проводницу Лизу — мать Валентина. Всегда любила такие роли — людей вроде бы не очень заметных, обыкновенных. Судьба «маленьких людей» меня занимает — их ощущение жизни, душевный склад. В них больше, чем в супергероях, всего заложено... Даже когда играешь недоброго человека, необходимо найти в

нем хорошее. Если найдешь, станет яснее: почему он стал таким. Весомее роль будет для зрителя. Это знаменитый «второй план», о котором всегда говорит Товстоногов. А не найдешь — роль не получится.

— У вас были неудачи такого рода?

— Заведомых провалов, безобразных не было... Только для себя я определяла иногда — неудача. Есть ведь и свой — высший — счет к роли, надо уметь видеть себя со стороны.

— Вы говорите, что сегодняшний спектакль — экспериментальный. А разве «История лошади» не превосходила эту работу?

— Нет, «Холстомер» — совсем другое. Это — музыкальный спектакль: мы говорим текст и изредка поем зонги. А «Смерть Тарелкина» — опера. И хорошо, если зритель понимает, что мы — драматические артисты, поем в меру способностей. У меня, например, главная проблема — вовремя вступить. Для этого придуманы разнообразные привязки к музыке — я отмечаю себе такт каким-нибудь физическим действием. Раз — ставлю корзину на пол, два — делаю жест, три — закидываю манто. Достигли мы сегодняшнего результата большим трудом.

Главное для меня всегда — характерность, внешний и внутренний характер. Пока это не возникает, роль не идет. Потом должна появиться форма. Я должна человека увидеть. Тут очень помогает костюм. В «Смерти Тарелкина»

многое подсказали расхлябанные ботинки, облезлый костюм, весь изъеденный молью.

— Расскажите, пожалуйста, как бы начинали, у кого учились?

— Училась я во время войны. Поступила в Ленинградский театральный институт в 1941 году. Очень смешно поступала. Позже Н. К. Симонов любил рассказывать об этом эпизоде. На приемных экзаменах мне задали этюд: «Вы идете по лесу, собираете грибы — ягоды. Вдруг встречаете свою собачку Тоби. Когда вы должны будете ее увидеть — раздастся хлопок». Все шло хорошо. Я иду по лесу. Полное публичное одиночество. Хлопок. И тут я говорю: «Тоби, это вы?!»

— Мы оставались в Ленинграде до 26 января 1942 года. Потом эвакуировались с институтом. Вы, наверное, слышали, как это было?

— Нет, расскажите...

— Из Пятигорска через Налчик в Орджоникидзе шли пешком. Проехали через всю Среднюю Азию. В Токмак приехали изнуренные, больные. Начали заниматься, жили тут же, на столах спали.

На втором курсе выступали с концертами в колхозах. Когда снималась в картине В. Трегубовича «Трижды о любви», меня привезли в те места на реку Чулым. Думала: как же мы могли по этой быстрой реке проплыть столько километров?! Платили нам за концерты продуктами, мы в буквальном смысле зарабатывали себе на пропитание.

После перебросили нас в Новосибирск, где курсом стал руководить Л. С. Вивьен, а педагогом был Б. П. Петровых, которого все очень любили. Там подготовили и дипломные спектакли: «Грозу» А. Н. Островского, где я играла сумасшедшую барыню, и «Наследники Рабурдена» Э. Золя.

После окончания института троих с нашего курса взяли в Пушкинский театр. Мне очень повезло тогда. Я попала в театр, где было созвездие талантов: Симонов, Скоробогатов, Меркурьев. Сам Вивьен, режиссер и педагог, оказал большое влияние на меня, несомненно. Здесь сыграла самую удачную роль Зойки Толоконцевой в «Годах странствий» Арбузова. Ставил спектакль Музиль... После были Настя в «На дне», Марья Антоновна в «Ревизоре»...

— А затем — БДТ?

— Переход к Г. А. Товстоногову был поворотным моментом. Мы вместе с Вадимом Медведевым, моим мужем, начали новый этап жизни. Товстоногов стал нашим главным учителем. Почему? Я попала к актерскому режиссеру. Георгий Александрович исповедует идею Станиславского — «режиссер должен умереть в актере».

Первая роль здесь — Лидия Белова в «Традиционном сборе» Розова. Работающая в сберкассе незаметная женщина. Но именно она состоялась как человек... То, чего театр добился в «Истории лошади», было открытием. Спектакль

приняли толстоведы, несмотря на то, что звучали зонги, что спектакль лишь «по мотивам»... Гениальной рукой Георгия Александровича это было сделано. На первом месте — толстовская философия жизни. Идея всем понятная, общая: трагедия человека, оказавшегося ненужным к концу жизни. Гениально играет Евгений Лебедев, мы — обрамление, но в этом спектакле ансамбль необходим, как нигде.

— Старые театралы вспоминают капустники Александра Белинского...

— Меня действительно тянуло в эти капустники — я ведь все-таки комедийная актриса. Их было несколько. Вы их, конечно, уже видеть не могли, но это было очень интересно. Белинский недавно звонил, предлагал восстановить мои номера для своего творческого вечера в Москве. Может быть, что-нибудь и получится.

Я в капустниках делала монологи. «Простенько и со вку-

сом» — номер шел под музыку. Это злая пародия на эстрадный фелетон. Второй монолог — известной киноактрисы. Тогда звезды кино несли полную ахинею со сцены. Это просто было спародировать. Третий монолог назывался «Селя ви». Он состоял из нескольких частей. Вначале я изображала молодую певицу, полную надежд и энергии. И пела:

...Из садика с аناцией
попала в руки Нацмана...
С моей прекрасной димцией,
поставленной Нуницыным,
открыты мне театры и кино...

А потом угасание этой жизнерадостной девчонки:
Не надо думать смолоду,
что ты уже Ермолоса,
Ермолосы не терпят суеты...
Ермолосы не терпят суеты...

Да, это были замечательные капустники. Принимали в них участие Сергей Юрский, Лидия Штыкан, Николай Борянский, Владимир Татосов, Рэм Лебедев, Павел Панков, Зинаида Шарко, Вера Сонина. Музыкальное сопровождение — Ю. Аптеман, а позже его сын.

— Вы начинаете репетировать главную роль в знаменитой пьесе «Визит старой дамы» Дюрренматта?

— Об этом говорить еще нечего. Да и плохая примета говорить о не поставленном еще спектакле. Репетирует с нами Владимир Воробьев. Я играю эту даму, Олег Басилашвили — Ила...

...Гаснет свет в театре — до завтра. Пора прощаться и уходить. До завтра, Валентина Павловна! Мы еще раз поздравляем вас и знаем, что встретимся снова и снова!

ЕК. ЕФРЕМОВА

□
На снимке: народная артистка СССР Валентина Ковель.